

*Н.С. Мухин*¹

Об Андрее Ниязовиче Карнееве

N·S·穆欣

关于安德烈·尼亚佐维奇·卡尔涅耶夫

*Nikolay S. Mukhin*²

On Andrei Niyazovich Karneev

Я знал Андрея Ниязовича Карнеева с первых лет моего обучения в Институте стран Азии и Африки МГУ, куда поступил, окончив школу в небольшом городке Шумерля в Поволжье. Мое первое воспоминание об А.Н. Карнееве связано с началом студенчества — курсом «Введение в китаеведение». Это был своего рода тизер для начинающих китаеведов. Каждый из преподавателей Кафедры истории Китая давал небольшой, часто неформальный и очень личный, экскурс в сферу своих научных и преподавательских интересов. Хорошо помню, что Андрей Ниязович рассказывал нам о Республиканском Китае и очень живо описывал фигуру Сунь Ятсена на горе в пальто зеленого цвета. Потом в одной из бесед он поделится, что он так делал специально, чтобы студенты почувствовали связь с историей и лучше воспринимали материал. До сих пор помню этот образ, хотя детали лекции, конечно, стерлись в памяти. Тогда я не знал, что именно этот преподаватель станет без преувеличения одним из важнейших людей в моей жизни и во многом определит судьбу исследователя.

Более тесное сотрудничество с Андреем Ниязовичем началось с того, что я писал под его руководством выпускную квалификационную работу в бакалавриате про гонимые СМИ. Тогда, признаться, я мало понимал, зачем это делать, и что это вообще такое — научная работа, чем она отличается от обычного реферата. Андрей Ниязович терпеливо и крайне тактично, но с присущей ему иронией, отвечал на мои (наивные, наверное) вопросы по выбору темы и о том, как вообще приступить к исследованию. Само слово «исследование» пугало меня. Я помню его email с темой письма: «Иногда

¹ Мухин Николай Сергеевич, PhD, доцент Американского университета Шарджи, ОАЭ.

² Nikolay S. Mukhin, PhD, Associate Professor at the American University of Sharjah, UAE.

полезно начинать с Википедии». Типичная ирония Андрея Ниязовича — мягкий намек «делай хоть что-нибудь». И это помогло, можно сказать, пробудило мою академическую сознательность после нескольких недель прокрастинации.

В те годы я и не думал, что когда-либо буду заниматься исследовательской деятельностью и поступил в магистратуру, в основном для того, чтобы получить место в общежитии. Оказалось, что это была не формальность, а жизненный выбор, и Андрей Ниязович сыграл в этом сюжете главную роль. Опять же — придал направление, помог, освободил меня от ступора перед непосильной задачей. В магистратуре с его подачи я занялся анализом идеологических проблем КНР при Си Цзиньпине. Стоит отметить, что это предопределило мою исследовательскую повестку на несколько лет вперед.

Уверен, я не один, в чьем становлении как ученого Андрей Ниязович сыграл решающую роль. Только сейчас я осознаю его научную проницательность, учитывая то, что каждый год под его руководством писали работы множество студентов. С каждым из них он подробно беседовал, с легкостью делился идеями, корректировал и предлагал темы. Для этого необходимы обширные знания истории, политики и современных реалий Китая, какими обладал наш Учитель. Во время обучения в магистратуре мне пришлось работать, но вопреки ожиданиям, исследования для диссертации приносили наибольшее удовольствие. Рутинные заботы забылись, а вот радость от научных находок — нет. Я благодарен Андрею Ниязовичу за его отзывчивость и постоянную доступность для обсуждений, дискуссий и обратной связи.

На финальных этапах написания диссертации Андрей Ниязович активно помогал мне с дальнейшим продвижением: приглашал на конференции, внимательно редактировал мою первую статью для публикации в «Проблемах Дальнего Востока», писал рекомендательные письма в аспирантуру и для стажировок. Никогда ни в чем не отказывал и всегда был щедр на напутствие. Его поддержка придавала сил и уверенности в неопределенной ситуации, связанной с первыми робкими попытками вчерашнего студента включиться в академическую среду.

В итоге мне удалось поступить в аспирантуру Гонконгского университета. Каждый раз, когда я приезжал в Москву, старался найти время и встретиться с Андреем Ниязовичем и обменяться новостями. Он рассказывал мне о состоянии китаеведения в России, о последних событиях в Китае и о своих туда поездках. Сидя рядом с ним, я вспоминал, что я все-таки тоже немного китаист. А он стал называть меня по имени и отчеству, что мне казалось чрезвычайно ироничным.

По прошествии лет мое главное впечатление об Андрее Ниязовиче таково: он всегда был открытым людям, но будто бы неизменно находился на своей волне, спокойный сосредоточенный. Когда мы встречались в его кабинете, он никогда не спешил, мерно кипятил чайник и разливал любимый лунцзин в китайскую посуду, внимательно слушал и отвечал. Своим голосом, с собственной интонацией, с тем самым узнаваемым «карнеевским взглядом». Порой было непонятно, шутит ли он, или это просто внезапная мысль, промелькнувшая у него в голове, осколок чего-то большего, но в любом случае хотелось уловить его ритм, подстроиться, быть на одной волне. Я помню то чувство, с которым каждый раз уходил от него. Будто бы сам становился немного важнее и значимее, чем перед встречей.

Я приехал в Москву в начале июня и планировал увидеться с профессором в его кабинете в Вышке, чтобы, как всегда, обменяться новостями. Увы, этого не случилось. В моих воспоминаниях он поднимается по эскалатору в Mid-Levels в Гонконге. В руках — свежая газета из 7/11, напечатанная полными иероглифами, а в ней — слухи и пересуды о китайской политике. Много ли тех, кто так хорошо знал о секретах, таящихся в исторических стенах Чжуннаньхая? Сейчас, чтобы сохранить прежнюю осведомленность о политике Китая без Андрея Ниязовича, каждому из нас придется постараться немного сильнее.